

ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Александр МЕЛИХОВ

ДУХ ВРЕМЕНИ

Наследие Римской империи огромно — это и дороги, и римское право, и романские языки, и архитектурные стили, и — и легенды. Мифы. Власть римского мифа была настолько огромной, что в течение едва ли не всего средневековья монархи варварских европейских королевств мечтали о воссоздании Римской империи. Им казалось, что даже их собственное величие не может быть полным без привязки к римскому мифу. И они именовали свои государства Римскими империями Германской нации...

И Французскую революцию невозможно представить без римской риторики. И движение декабристов.

Наследие Советской империи тоже будет еще долго отзываться и в материальной, и в культурной сфере, и чрезвычайно интересно, каким в конечном счете останется хотя бы в российской истории советский миф, когда он делается не слишком актуален для политической пропаганды. Народное воображение уже работает, но этот фольклор пока, мне кажется, практически никем не фиксируется. Именно поэтому книгу Натальи Игруновой «Воздух времени. После СССР: мы и наши мифы»¹ я проглотил

Александр Мотельевич Мелихов родился в 1947 году в г. Россошь Воронежской области. Окончил матмех ЛГУ, работал в НИИ прикладной математики при ЛГУ. Кандидат физико-математических наук. Как прозаик печатается с 1979 года. Литературный критик, публицист, зам. гл. редактора журнала «Нева». Произведения переводились на английский, венгерский, итальянский, китайский, корейский, немецкий, польский языки. Набоковская премия СП Санкт-Петербурга (1993) за роман «Исповедь еврея». Премия петербургского ПЕН-клуба (1995) за «Роман с простатитом». Премия интернет-конкурса «Тенета.ринет»-2002 в номинации «Литературные очерки, публицистика». Премия им. Гоголя от правительства Санкт-Петербурга и СП Санкт-Петербурга за роман «Чума» (2003), за роман «Интернационал дураков» (2009) и за роман «Тень отца» (2011), премия правительства Санкт-Петербурга (2006) за роман «В долине блаженных». Премия «Учительской газеты» «Серебряное перо». Премия 2008 года журнала «Полдень, XXI век» (гл. редактор Борис Стругацкий). Премия фонда «Антифашист». Лауреат премии журнала «Иностранная литература» за 2015 год. Премия им. Гоголя за роман «Свидание с Квазимодо» (2017).

¹ Н. Игрунова. Воздух времени. После СССР: мы и наши мифы. М.: 2015.

на одном дыхании. Книга собиралась около двух десятилетий, но совершенно не устарела — мифы и вообще чем старе, тем сильней. Что отражено и в издательской аннотации: «Всего 25 лет нет на карте мира СССР. Но порой уже трудно разглядеть живую жизнь под патинной мифа. Мифом становится все: общественное устройство, победы и поражения, биографии вождей и героев, повседневный быт. Собранные под одной обложкой беседы Натальи Игруновой с известными политиками, социологами, культурологами, режиссерами, писателями из России и „ближнего“ и „дальнего“ зарубежья дают возможность проследить, как менялась конструкция образа прошлого».

Наталья Игрунова — известный литературный критик, переводчик, радиоведущий, а кроме того, заместитель главного редактора журнала «Дружба народов», то есть дружба и вражда народов для нее не только предмет исследовательского интереса, но и что-то вроде служебных обязанностей. И ее знание культурной жизни «национальных» (как будто есть еще какие-то!) республик впечатляет не менее, чем ответы ее собеседников, а это люди сплошь неординарные. Невозможно не согласиться с предупредительным замечанием Льва Аннинского, что вопросы, задаваемые Натальей Игруновой, часто еще более интересны, чем получаемые ответы. Они сегодня, пожалуй, даже еще интереснее, чем три года назад.

Так возьмем же на пробу и тех, и других по ломтику. Или по пузырьку, коли уж дело идет о воздухе времени, или, как его именовали в более пафосные времена, о *духе времени*.

Нелли Мельц, известная внимательному российскому читателю как переводчик эстонской прозы Нелли Абашина, выросшая в ссылке, но оттого ничуть не озлобившаяся, догадывающаяся, что и русские, и эстонцы сделались жертвами общего безумия, захватившего всю Евразию, отвечает на вопрос Н. Игруновой:

— *А вокруг национального языка все так же кипят страсти?*

— Эстонцев можно понять — они хотят сохранить свой язык. Но для русских получать образование на эстонском — проблема непростая. Эстонский знать, конечно, нужно, нужно знать язык народа, среди которого живешь, из уважения к этому народу, для удобства общения. Но «радиус» его действия пока еще очень ограничен, и если уж получать образование, то лучше на английском или на русском, имеющих широкий спектр приложения. Сейчас главные силы эстонской интеллигенции, эстонского духа отданы на это: расширить сферу распространения национального языка, добиться, чтобы мировые культурные ценности стали доступными на национальном языке. Раньше приобщение к ним достигалось через русский. Теперь это возможно еще и через английский. Думаю, в Эстонии пока еще не отдают себе отчета в том, что ни на одном языке эстонская литература все равно не получит такого широкого распространения, какое она имела на русском. Потому что русский читатель, это нам всем известно, отличается от любого другого, он считает литературу не развлечением, а очень серьезной частью жизни. Может быть, это наша беда, а может — духовная опора, которая дает нам возможность держаться, оставаться людьми. Эстонская литература всегда шла как будто чуть-чуть впереди союзной, она имела возможность чуть больше сказать о жизни. И это было важно и необходимо для русского читателя. (Я не выношу эту злобу, которая в последнее время вскипает: пусть она идет на свой Запад, эта Прибалтика, раз отделилась...) Понимание того, что западная культура может погубить, подмять под себя, поглотить эстонскую культуру, начинает приходить. Но оно приходит медленно. И, чтобы этому противостоять, эстонской культуре, по-моему, нужно опираться на какую-то другую, которая вынесет ее в мир.

Это чистая правда. В эпоху глобализации национальным культурам, не подкрепленным исторически наработанным престижем (да и былой престиж не очень-то по-

могает) и экономическими и политическими инструментами продвижения («мягкой силой»), почти невозможно сохранить себя, даже и в рамках формально суверенного государства. Именно в империи, защищающей малые народы от давления большого мира и не посягающей на их культурную автономию, им гораздо легче сохранить и продвинуть свою культуру, особенно малым народам, пользующимся репутацией особо «продвинутых». Но когда такие пустяки волновали националистов! Им важно лишь отгородиться и властвовать! Именно они сумели превратить слово «империя» в ругательство — либералы лишь воспользовались их победой.

Однако двинемся дальше — выдающийся кинорежиссер Григорий Чухрай. Посвященная ему глава «Мы были великим поколением» начинается с жестоких фронтовых воспоминаний, это нужно читать полностью, как, впрочем, и всю книгу.

— *Сегодня говорят, что побежденные живут лучше, чем победители, лучше бы вам проиграть войну.*

— Мы живем сегодня плохо. Но не потому, естественно, что выиграла войну. Здесь другие причины. Освободить нашу страну от фашистского нашествия, помочь закабаленным народам Европы и уничтожить фашизм в его логове был наш исторический долг перед страной и человечеством.

Современные недоучки говорят: «Если бы вы проиграли войну, мы бы сейчас пили баварское пиво». Помои бы они сейчас пили, а не баварское пиво. Фашистская армия вторглась в нашу страну не для того, чтобы раздавать подарки. Им нужна была наша территория, наши богатства, а народ они рассматривали как потенциальных рабов для своего государства. Они этого не скрывали, писали, говорили и действовали. Нашим бы недоучкам спросить у тех, кто был выслан на работы в Германию: много ли они пили баварского пива. Они бы им ответили...

— *А как вы относитесь к тому, что современные политики во главу угла своих программ все чаще ставят национальную идею?*

— Национальная идея внешне привлекательна и широко используется политиками. Плохо, когда национальная идея превращается в национальный эгоизм. Немецкие фашисты хотели обеспечить счастье и достаток своего народа за счет ограбления, унижения и физического уничтожения других народов. За это мы их ненавидели. После войны наши идеологи утверждали: «Мы победили, потому что мы патриоты!» Но ведь немцы тоже считали себя патриотами, они воевали за Великую Германию. Очевидно, их патриотизм чем-то отличался от нашего. Песней нашего поколения была светловская «Гренада»: «Я хату покинул, пошел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать...» — *отдать*, а не захватить! Сделать счастливыми, свободными, а не поработить. И эта жертвенность во имя добра — главная даже не идея, а сверхидея нашего поколения. Немцами же двигало совершенно другое: захватить, отнять и поработить, господствовать. Разница этих патриотизмов и сыграла, по-моему, главную роль в исходе войны.

А если не делать разницы между патриотизмом и патриотизмом, получается вот что. Россия — многонациональное государство. Так оно складывалось веками. И если внутри этого государства поднять крик, что русские — пуп земли, а остальные — песок, миленькие мои, да рассыпется это государство!

— *Григорий Наумович, а вокруг каких идей, идеалов можно нас всех объединить сегодня — и вообще возможно ли это?*

— Сегодня — нельзя. Идеалов нет, а идеал богатства разъединяет.

Вот так.

А вот диалог со Светланой Алексиевич 1995 года.

— *Если бы вы участвовали в референдуме, вы бы на все вопросы ответили «нет»?*

— Нет, я бы, конечно, голосовала за интеграцию с Россией.

— А по поводу государственного языка?

— Наверняка меня многие в Белоруссии не поймут, но я считаю, что сейчас реально сделать единственным государственным языком белорусский.

— А что-то с положением белорусского языка изменилось в последние годы? На уровне не государства — а опять же — отдельного человека.

— Очень немного. Появились молодые люди, прекрасно владеющие языком, но за этим не столько дух национального возрождения, сколько стремление приобщиться к элите. Наши писатели обижаются, что их не переводят на Западе. Но не хотят признать, что читатели открывали нас через русский язык. В то же время я понимаю, что в такой жесткой конкуренции с русским языком и американской массовой культурой вряд ли у белорусского языка есть реальная возможность возродиться. Ситуация трагическая. Нельзя создать «резервацию» и ограничить народ единственным языком, единственной культурой. А с другой стороны — это последний исторический шанс для возрождения белорусской нации... Но я все-таки думаю, что замыкаться нельзя, и не представляю, чтобы Белоруссия повернулась, скажем, в сторону Польши. Русская культура нам все-таки ближе. Это мой взгляд. Сейчас много разных других.

— Самые популярные — ориентация на Запад или на Союз?

— На Союз, на Россию. Ориентацию на Запад исповедует национальная интеллигенция, считая, что это путь к спасению. Но народное сознание ориентировано на Россию. Это и референдум показал.

Насколько интеллигенция по настроениям сейчас едина?

— Единой интеллигенции нет. Если я говорю об интеллигенции, то имею в виду лишь небольшую ее часть, которая активно пытается влиять на политические процессы. Парламент? Церковь? Такое ощущение, что это место отводила интеллигенции власть, а не сама интеллигенция его отвоевала. Когда же появилась свобода выбора, она добровольно отказалась от этой роли. Кто-то уехал за границу, кто-то ушел в свои проблемы. Звучит банально, но все-таки скажу: нужно становиться профессионалом, чтобы выжить в новой действительности.

...Не дело интеллектуалов быть властью или бороться с властью. Осмысливать процессы, подходы к жизни — вот что мы должны делать. Должны дать человеческой душе ориентиры, чтобы ее не захлестнули какие-то уже буквально космические размеры зла.

Бороться с националистическим сознанием бывает куда опаснее, чем бороться с властью — нынешнее начальство нужно долго раздраживать, чтобы оно наконец взялось за оружие. А у националистов это мигом.

Глава, посвященная Анатолию Киму, называется «Моя родина — русский язык». Анатолий Ким происходит из дальневосточных корейцев, с середины XIX века перебивавшихся в Российскую империю от безземелья, а затем и от японских оккупантов.

— А как жилось им в России? Искомые эмигрантами обеспеченность и покой, безбедное, во всех смыслах, существование — все это не слишком вяжется с реалиями российской действительности первой половины нашего века.

— В России в 36—37-м годах началось «великое переселение» народов. Корейцы были самыми первыми жертвами политики «великого переселения», которая принесла столько бед чеченцам, ингушам, калмыкам, крымским татарам, курдам...

Усадили в теплушки и осенью вывезли в Среднюю Азию — в Киргизию — и в Казахстан. Среди них были мои родители. Отец рассказывал, что иногда на станциях поезд, в котором везли корейцев, оказывался на соседнем пути, рядом со встречным поездом эшелонного конвоя, в котором везли людей в колымские лагеря, и они перебрасывались записками, узнавали друг о друге.

— И как их судьба сложилась дальше?

— Отец тогда был студентом. Когда переселили, перешел в педагогический институт, учился русскому языку и литературе. Корейцы жили на положении спецпереселенцев. Не было паспортов. Я родился уже в Казахстане, в селе Сергиевка. Отец там работал в школе. В войну отец примерно год проработал в трудовой армии на Карагандинской шахте. Но его потом отпустили назад, учителей не хватало.

— Как вы думаете, для отца, советского студента, учителя, было важно «вписаться» в эту жизнь?

— Отец рассказывал, что, когда они переселялись, им было приказано проявлять всяческий энтузиазм. На больших сибирских станциях, когда эшелон останавливался, танцевали тустеп, падекатр. Короче говоря, они-то изо всех сил стремились вписаться в новые обстоятельства, в новый мир. Да, это было общим настроем. Новая жизнь, новые ее хозяева.

— А корейские традиции, быт сохранялись в семье, или шла ассимиляция?

— Произошла смена языка. Родители говорили между собой по-корейски (мама тоже корейка), а с нами, детьми, уже только по-русски. Корейских школ не было. Сколько я себя помню, все было связано с русским языком. Изменение жизненного уклада связано в первую очередь с языком.

Да, русский мир создавался и такими методами. Но разрушать его просто из мести означает сделать принесенные жертвы совсем уже бессмысленными.

А в новые времена русского писателя Анатолия Кима позвала историческая родина — южнокорейский университет, переводы, тишь, гладь и благодать...

— А сейчас давайте вернемся к вашей поездке в Корею. Приехав туда, вы почувствовали, что там — родина? Где для вас дом — там или здесь?

— Вы знаете, это вопрос очень простой. И отвечу я вам просто, как в армии говорят: «Делай — раз, делай — два...» Я там не почувствовал, что это моя родина — раз. Второе — я почувствовал, что моя родина здесь. И третье — я не могу определить, где моя родина здесь. Географически. Не Казахстан. Не Москва. Не Мещера...

— Так что же это для вас? Образ жизни? Воздух?..

— Нет. Я нашел родину наконец. Родина моя — это русский язык. Почему я, наверно, не стал живописцем. Мне дорог не внешний образ, не ландшафт, а то, что несет с собою слово. Слово в его оболочке смысловой, в его интонационной мелодике — я чувствую, что я там, я оттуда появился. Я родился, очевидно, тогда, когда захотел писать. Это странно, но, ей-Богу, это не красивая фигура.

А вот что рассказывает о русской культуре в довоенной Литве поэт и диссидент Томас Венцлова.

Присутствие русской культуры в Литве было очень заметно. В Литву приезжал Андрей Белый (у меня об этом есть статья), там какое-то время жил Саша Черный, даже стихи о Литве писал. Конечно, в независимой Литве существовала определенная настороженность по отношению к России, и, как показали события 1940 года, настороженность оправданная, но тем не менее русская культура в Литве существовала, никак не преследовалась, занимала свое место, и русские эмигранты считали Литву одним из своих центров (менее важным, правда, чем Рига). Ситуация, вероятно, в какой-то мере повторится. Сейчас все еще существует эта настороженность (Литва имеет основания не доверять Москве и московским политикам на протяжении столетий), но, я думаю, по мере того как будет укрепляться демократия в России, как будет стабилизироваться Россия, по мере того как будет укрепляться демократия в Литве и стабилизироваться Литва, будет приближаться момент, когда отношения этих культур станут вполне нормальными. То же самое, кстати, было и в межвоенные времена. В 20-е годы к русской культуре относились очень осто-

рожно, в 30-е — уже гораздо больше переводили, больше общались. Правда, когда произошли известные печальные события, настороженность в отношении к русской культуре возродилась, что для Литвы в советское время было отчасти даже вредно. Многие литовцы с этим не согласятся, но мне всегда казалось, что отчужденность от всего русского, которая была довольно естественной и неизбежной при советском режиме, в чем-то все-таки Литве мешала. Была ведь и неофициальная русская культура — те же Пастернак, Ахматова, Бродский, — которая могла очень много дать Литве, если бы та к ним больше приглядывалась, больше их читала и больше ими занималась. Я был одним из немногих, кто этим занимался. Все же большинство как-то внутренне от этого отталкивалось, и их можно вполне понять. Но пользы от этого, мне кажется, было мало. Теперь, при той ситуации, когда Литва, слава Богу, управляется не из Москвы, а сама по себе, эти отношения могут стать более аутентичными, в каком-то смысле даже более тесными. Дай Бог, чтобы так получилось.

Дай-то, конечно, дай, но надежды все меньше...

И трудно даже сказать, какие нелепости в большей степени тому причиной. Первая нелепость — «вечные» геополитические противоречия, в сегодняшнем мире особенно иррациональные, ибо все, что сегодня можно завоевать, гораздо дешевле купить (ну а пресловутые зоны влияния тем более чистая фикция, ибо контролировать жизнь любого народа означает наживать в нем сначала тайного, а потом и явного врага). Вторая нелепость — социальный расизм, приписывающий народам какие-то «вечные» свойства. Наталья Солженицына в беседе с Игруновой приводит солженицынскую цитату о 90-х годах: «Я неоднократно взывал к западным силам не отождествлять советский коммунизм с самой Россией и русской историей. Увы, многие силы на Западе не провели этого различия, а политика западных держав и после падения советской диктатуры не много изменилась в жесткости по отношению к России. Это — глубоко разочаровывает».

Но если жесткость обращена не только к каким-то частным проявлениям, но и к целостной, «вечной» России, то и оборонительные силы она пробудит «целостные», которые начнут защищать в ее прошлом и настоящем любую частность, если даже до этого она им была сравнительно безразлична или даже неприятна. Так избличения Сталина в этом контексте стали восприниматься лишь поводом для дискредитации России как целого — отсюда и проистекло возрождение Сталина из полузабытого деспота в актуальную героическую фигуру. Подобная героизация будет происходить и с любой другой фигурой, которую пожелают дискредитировать наши «партнеры».

Сам я этого особенно не помню, ибо советская власть меня слишком уж достала, но я не вижу причин не доверять впечатлению писателя следующего поколения — Захара Прилепина.

— А что для вас значит советский опыт?

— Это опыт... как бы его определить... тут много слов надо... Небывалый... Чудовищный... Определивший историю человечества... Крайне важный, отрицать его совершенно невозможно. То, что от него отмахнулись, связано в том числе и со слабостью человеческой породы, которая пыталась на сломе эпохи каким-то образом выстроить свою судьбу, дать себе новое имя, испытать полноту ощущений, пиная то, что уже и так рассыпалось. Я не думаю, что борьба с советским строем, который уже исчез, демонстрировала наше мужество, нашу смелость и высоту наших побуждений. Мне в 91-м году было шестнадцать, и уже тогда, в юности, мне было глубоко неприятно это поругание если не святынь, то того, что определило историю нашего народа в XX веке.

— Люди старших поколений жестко делят свою жизнь на «до» и «после» развала Советского Союза. Вам было шестнадцать. Жизнь разломилась?

— У меня разломилась. И ощущения были очень болезненные. Было ощущение, что пляска бесов какая-то происходит. Открываешь газету и читаешь, что Зоя Космодемьянская — проститутка, заблудилась, пьяная, и ее немцы поймали, что Александр Матросов — зэк, что он просто поскользнулся и упал на амбразуру дота...

— *А вы были мальчиком, читающим газеты?*

— А тогда все читали! И «Огонек», и «Комсомольская правда», и много чего еще у меня до сих пор хранится на даче. Я иногда их листаю. И у меня и теперь легкая изморозь брезгливости пробегает по спине и по рукам. Я думаю, это в течение десяти лет продолжавшееся беснование аналогов в истории не имеет. Я, возможно, сейчас был бы более толерантен к русскому либерализму, если бы оно не прошло через меня в течение моей юности.

— *И к нацболам пришли поэтому?*

— Отчасти. Приход в радикальную политику состоялся, когда я начал заниматься журналистикой, близко общаться с политиками конца девяностых — начала нулевых годов.

— *После Чечни?*

— После, да. Но то, что я стал политически ангажированным, было связано не с Чечней, а с тем, что я стал близко общаться с этими людьми и их мотивы поведения мне стали тогда понятны. Идеи государственного строительства или сбережения народа им далеки настолько, что даже представить невозможно.

Можно отмахнуться — а, мол, чего ждать от национал-большевика! — но можно и задуматься: что-то же его сделало национал-большевиком? Ведь даже социальные расисты вряд ли станут утверждать, что есть такая особая порода — национал-большевики. Даже не соглашаясь с Прилепиным, нельзя отворачиваться от его «мыслечувств», ибо душа талантливого писателя — это всегда чуткий сейсмограф.

— *А есть сейчас идея, способная объединить общество?*

— Осталась, пожалуй, одна идея, на которой может подняться общество. Возможно, она не самая лучшая, возможно, она даже худшая, но ввиду того, что все идеологии XX века были подвергнуты обструкции, в том числе и социалистическая, и либерально-демократическая, осталась только одна идеология, которая может людей сплотить, — это идеология националистическая.

— *Скомпрометированная более всего. Мир уже прошел однажды через фашизм, Захар.*

— Фашизм был, но не надо весь и всякий национализм путать с фашизмом. Это крайняя степень, а крайняя степень есть у всего — и у любви к детям, и у любви к женщине, у страсти, у нежности, у всего есть крайности, которые могут привести к катастрофическим результатам. Фашизм — это одна идеология, а национализм — чувство почвы, чувство родства со своей родней, со своей землей и народом — это и есть то истинное и врожденное, что может людей сплотить. Другой вопрос, что вы совершенно правы и это может обернуться какими-то немислимыми катастрофами. И государство национальную карту пытается активно использовать, насаждая госпатриотизм, и даже эту, врожденную, несомую в кровотоке идеологию, опощляет. И в конце концов не остается ничего, ради чего мы могли бы, что называется, взяться за руки все вместе.

Национализм, на мой взгляд, идеология настолько опасная, что опощление ее госпатриотизмом можно лишь приветствовать. Ибо национализм — это вовсе не крайняя степень патриотизма, экзальтированное чувство родства со своим народом и землей, на которой он живет, — это светская религия, усматривающая в нации божество, уже не нуждающееся в совершенствовании, а требующее исключительно борьбы за его доминирование решительно во всем, — что и подобает совершенству.

Пока что в России, мне кажется, преобладает национализм оборонительный, но если его разоблачение и дальше будет оставаться таким же непримиримым и тотальным, он вполне может перейти и в наступательный. Ведь национализм сегодня главным образом и порождается борьбой с ним.

В книге столько интересных диалогов и ярких собеседников, что отклика требуют они все, а статья и так уже угрожает затянуться. И тут пора вспомнить, что речь в ней идет о духе времени, а дух времени, как писал Лев Толстой в своем неоконченном романе о Петре Первом, представляют люди, не думающие «по-своему», то есть оригинально, к чему склонны практически все собеседники Н. Игруновой. В среде интеллектуалов всегда можно найти полный спектр всевозможных мнений от Ромула до наших дней, а вот из признаний каких-нибудь не блещущих образованием провинциальных школьников гораздо точнее можно узнать, каким воздухом дышит нынешнее время. И таких признаний в «Воздухе времени» десятки.

Вот цитаты из сочинений белгородских школьников 1992—1993 учебного года.

Владимир, 3-й класс: «Я мечтаю быть экскурсоводом. После школы я пойду в институт. Я получу диплом. Потом я пойду в армию. Потом я женюсь. У меня будут дети. Я хочу, чтобы у меня был сын. Я хочу, чтобы его звали Андрей. Я хочу жить в Америке. Я буду зарабатывать на жизнь. Моя жена будет работать в магазине. Я буду жить в доме. У меня будет видик. У меня будет собака овчарка. Ее будут звать Амур».

Елена, 10-й класс: «У меня есть мечта, точнее, не мечта, а так — иногда по вечерам я представляю такую картину.

Побережье Средиземного моря. Песчаный берег усыпан ракушками и мелкими камушками. Закат, и небо чистое, с уже кое-где появившимися звездами. Я плыву в прозрачной воде, иногда ныряя в темные глубины моря. Водоросли щекочут ноги и руки, испуганные рыбки расплываются в разные стороны. Мне хорошо, так как я знаю, что на берегу меня ждет человек, которого люблю, в котором уверена и знаю, что он меня любит и ни когда не бросит. На горизонте в лучах уходящего солнца плещутся дельфины.

И еще одна картина.

Это же место, но лет через десять. На побережье стоит прекрасная вилла с бассейном. В доме можно найти все что угодно: прекрасную мебель, дорогую посуду, изящные статуэтки, ковры, картины. В гараже стоят две машины: моя и мужа. У меня есть все: дети, муж, преданные друзья, любящие родственники, работа, которую я люблю, деньги.

Дав указания повару, я одеваюсь и иду на пляж. Подходя к пляжу, слышу звонкие голоса детей и смех мужчины. Это мой муж и дети».

Александр, 3-й класс: «Я хочу доучиться на хорошую оценку. Мне хочется пойти в институт, а после того получить диплом. В дальнейшем мне хочется стать бизнесменом. Потому что я хочу летать в Америку, в Германию и в разные другие страны за рубеж. Мне хочется зарабатывать много денег и очень хочется, чтобы зарплата была в валюте. Мне хочется жить в России потому, что это моя Родина. Я хочу построить себе дом, и чтобы он был с бассейном и огромным оазисом. Мне нужно будет построить себе хорошую дачу и выращивать овощи и фрукты. Я хочу заработать и построить себе „Супер Банк“ и накопить себе миллиарды долларов. И хочу купить себе джип „Сироки“. Я очень хочу стать бизнесменом! И надеюсь стать им».

Андрей, 5-й класс: «Я мечтаю иметь дом, тысячу душ, три машины: BMW, „Ладду“, ВАЗ 6-й модели. Также я хочу стать директором предприятия, чтобы у меня была собственная машина с шофером и с телефоном. Я также хочу быть программистом и иметь собственный компьютер. Я хочу стать футболистом или тренером команды, и чтобы моя команда выиграла Кубок Кубков и была чемпионом СНГ. Хотелось бы, чтобы наша страна была бы самой цивилизованной страной в мире».

Маша: «Я учусь в 5-м классе. Моя мечта стать Мисс Королевой 1995 года. Я хочу, как и все другие женщины, выиграть белую лисью шубу, корону из драгоценных камней и много-много денег. Я хочу быть знаменитой-знаменитой, чтобы все всегда брали у меня интервью, и эта «профессия» осталась у меня не на один год. Мне хочется стать миллионером, когда я выиграю у других девочек. На эти деньги я покупала бы себе каждый день мороженое, шоколад, мармелад, конфеты и другие вкусные сладости. Когда я шла бы по улице или поехала бы на новеньком модном автомобиле, то меня бы останавливали и здоровались или спрашивали: как у вас здоровье. Называли бы меня на «вы». Каждую неделю приходили бы ко мне гости, а я заводила все больше и больше новых друзей. Были бы у меня слуги, я кормила бы их очень хорошо и платила бы им хорошую зарплату. Я бы садила много деревьев, цветов и кустов, сделала бы так — купила бы всем квартиры, и на земле никогда не было бы нищих и голодных. Все бы были счастливы. И людей не тревожили бы никакие проблемы о пище, об одежде. На улицах не было бы нищих и голодных. Как и раньше, я бы очень хотела ходить на бал. И произвела старые традиции».

Владик, 10-й класс: «Хочу: IBM PC AT-487 с принтером, автоматическим сканером. Спортивный «Феррари», гараж, охрану, сигнализацию, 100 000 000 долларов США в Швейцарском банке, владеть контрольным пакетом акций самых богатых нефтяных месторождений, жить на Гавайских островах, иметь собственный самолет или вертолет, уметь им управлять, дворец с бассейном и прислугой, в совершенстве владеть английским, прочитать „Силмариллион“ и „Властелина Колец“ Толкина в оригинале, научиться прекрасно программировать на ассемблере, иметь собственную хорошо оснащенную химическую и физическую лабораторию со штатом сотрудников (предполагается, что я буду большим специалистом в этих науках), изучить квантовую механику, доказать возможность движения тел с действительной массой (любой) со сверхзвуковой скоростью, построить космический аппарат, обладающий такой способностью, и, при обнаружении планет, пригодных для жизни, около ближайших звезд туда убраться, заниматься разработкой программ искусственного интеллекта, изучить возможности применения компьютеров для решения задач выбора, изучить Риманову n-мерную геометрию, геометрию Лобачевского, свободные алгебры неклассических логик H , Ip и т. д., иметь безукоризненное здоровье, продлить свое бытие как можно дольше (желательно навсегда), стать Господом Богом и всегда иметь то, что хочу».

Дети не забывают и о родине.

Елена, 6-й класс: «Я мечтаю стать президентом. Если бы я была президентом, я бы поставила все на свои места. Тогда бы я снизила цены на продукты, вещи, на все остальное. Ну, а сейчас жить просто невыносимо, потому что у нас в стране цены растут все выше и выше. Как сейчас можно жить старым людям, инвалидам, ветеранам, если у них такая маленькая пенсия, что они на нее даже не могут нормально питаться и одеваться. Просто невозможно смотреть, когда у церкви стоят алкаши и просят у всех прохожих милостыню. Ладно там калеки, которым на войне оторвало ноги или руки, но алкашам, мне кажется, давать грех. Но я думаю, что когда-нибудь у нас в стране будет хороший президент».

Света, 6-й класс: «Я мечтаю стать президентом. Если бы я была президентом, я бы сделала, чтобы всем людям жилось хорошо и чтобы они не боялись идти вечером домой — они боятся, что их кто-нибудь изобьет или снимут дорогие вещи. Я бы это отменила. Я бы сделала, чтобы продукты стоили намного дешевле и не были такие сумасшедшие цены, как сейчас... Как сейчас можно жить пожилым людям, у них пенсия один раз в месяц. Они на эти деньги могут купить себе только еду, а на остальное не хватит. Я думаю, может быть, хоть один найдется такой президент, который бы не допустил такого, как сейчас в нашей стране, и вытащил бы нас из этой ямы».

Оксана, 7-й класс: «...А еще я мечтала, чтобы стать президентом. Я бы обязательно снизила цены на продукты. Я бы запретила убивать, воровать, пить. И мне очень обидно за нашу Россию. Почему сейчас мы стали разделяться на отдельные государства? Ведь раньше мы жили вместе, и если приедешь на Украину, тебя встречают как брата. А сейчас? Сейчас все обозлились. Это очень плохо. И почему мы все так бежим за Америкой? Я не против того, чтобы мы дружили с другими государствами. Только не надо перенимать плохое. Ведь очень много хорошего и у них, и у нас. Только все наше хорошее прикрылось грязью, плохим. Пока это все мои мечты, но в будущем, я думаю, они еще появятся. Ведь нельзя жить без мечты».

Это точно, нельзя. В этих сочинениях-исповедях рассыпано столько жемчужин, что трудно остановиться в их цитировании. В общем, читайте и обрящете, а мне пора перейти к 2008 году — ребята той же школы рассказывают, что они знают об СССР.

Пятый класс (1997–1998 годы рождения).

Лера: «Я мало что знаю, но попробую рассказать. Мне рассказывала мама, что она до 11-го класса ходила в школу в форме. Еще раньше 9 копеек стоило мороженое. У меня дома есть старые книги, и на обратной стороне написано 50 копеек или другая цена. Вот мне кажется еще, что раньше все жили дружно. У мамы я видела фотографию, где все дети были в форме на площади. В Советском Союзе 7 ноября был день октябрьской Революции. В те времена в школе были пионеры. Я смотрела фильм про двух мальчиков, они были пионерами. У них были очень красивые повязочки на шею. И вот этих двух мальчиков не любили, потому что они были самыми лучшими. Вот я например не хотела бы быть пионером. Потому что я не умею командовать. Но я хотела бы жить в те времена. Потому что мне кажется, что все были дружны».

Кристина: «Я не много знаю о Советском Союзе. Но я думаю, что раньше люди жили по-другому. Я думаю, что цены были другие и одежда была не похожа на нашу. По-моему, объединились несколько республик. Я знаю то, что дети приходили в школьных формах. Когда у людей не было света, они зажигали киросиновые лампы. 7 ноября был день октябрьской революции. Раньше у людей были черно-белые телевизоры. В них было всего два канала. Мне мама говорила о том, что моя бабушка разрешала смотреть телевизор всего по два часа. Президентами были Хрущев, Сталин, Брежнев. Мне мама рассказала, что люди могли ездить в горы и кататься на лыжах. Ходили они на катки и катались на коньках. Моя мама была пионером. Она ходила в красном галстуке».

Дарья: «Я думаю, что Советский Союз — это государство, которое было очень ответственное и дружное. Наши бабушки и дедушки жили в очень страшное время, когда каждой семье выдавался один кусок хлеба. А сейчас мы такой кусок хлеба крошим голубям, люди стали жестокими и безответственными. В Советском Союзе не было голубокровок, все трудились не покладая рук. Власти стали убирать праздники, которые очень много значили для Советских людей, но мы их все равно помним. Очень изменились города, раньше можно было сесть на электричку и доехать до Харькова, а сейчас стоять на таможне три часа. По-моему, Советский Союз распался из-за того, что каждый захотел быть сам за себя».

Юля: «Я знаю, что СССР переводится как Советский Союз Социалистических Республик. В те времена было все красиво. По-моему, в СССР не было слишком богатых людей. За кражу отрезали кисти рук, в школе все дети были в одинаковой форме. Жалко, что его сейчас не осталось».

Соня: «Вернемся в те года. В Советском союзе были преграды во внешности человека. Нельзя было носить джинсы, носить длинные волосы. Я слышала что нельзя было слушать группу чин-гинскан. По-моему Советский союз распался в 1991. Причиной этому наверно стала вот что: ведь Россия была лучшей и всегда будет лучшей!!!! А всем частям союза было завидно успешной и богатой России. Я слышала что

В. В. Путин хотел восстановить Советский союз, но это не получилось. По-моему им было стыдно воссоединиться. В СССР был президент Ленин, которого — загадка — до сих пор показывают по телевизору, Ельцин, Хрущев, Брежнев. Раньше были орлята и пионеры. Эти дети участвовали в лагере и носили красные шарфики на шею. Они помогали людям, пожилым и больным. Строили скворешники и делали много добрых дел. На нынешний момент дети стали злее, хуже, в общем изменились не в лучшую сторону. Появились эти телефоны, которые портят детям психику, и они закачивают туда всякую гадость. Мне бы хотелось чтобы некоторые „вещи“ вернулись из СССР. Цены, меньше бомжей, чтобы люди перестали делиться на богатых и бедных. Вернулись лагерь, орлята. И то веселье».

Владислав: «По-моему в советский Союз были включены три страны: Казахстан, Украина и Россия. Советский Союз распался благодаря октябрьской революции. Она произошла седьмого ноября, а сейчас этот праздник празднуется четвертого ноября и называется Днем Народного Единства. В те времена жилось не очень весело. Нашему поколению повезло больше!»

А вот седьмой класс.

Степан: «Советский Союз состоял из 7 севоднешних стран. По-моему он развалился в 1991 году. Из-за Октябрьской Революции. СССР состоял из: России, Белоруссии, Украины, Грузии, Киргизии, Казахстана, Чечни. Первым президентом стал Сталин».

Катя: «СССР для меня — время спокойного жития народа. Тогда правительство заботилось о людях. Причина исчезновения — это пришествие Горбачева. Я не помню точно его имя. Горбачев это всего лишь мое предположение. Мне дедушка недавно рассказывал всю историю исчезновения Советского Союза, поскольку я ему задавала этот вопрос. Но было много имен, и я все забыла. У меня дома осталось много монет, которые действовали при СССР. Я бы хотела, чтобы СССР вернулся».

Эвелина: «Мне кажется, что советский союз распался из-за того, что Ельцин был плохим президентом! Он не любил свою страну, свою работу. Президентом он был только потому, что он имел власть и деньги».

Артем: «Раньше в СССР входило шесть стран: Украина, Абхазия, Казахстан, Белоруссия, Татарстан и Россия. Все жили в мире и согласии. Позже некто «Ельцын» порвал Советский Союз. Люди легли спать в СССР, а проснулись не известно где, в России. Вот так благодаря одному человеку распался Советский Союз».

И нечто вроде итога.

Полина: «Что нынешнее поколение знает о СССР? Почти ничего. Единственное, что остается у нас в памяти это великое событие — Война. И больше ничего. Скоро умрет последнее поколение советских людей — и память о Советском союзе исчезнет навсегда. Но для людей, сохранивших и передающих советские традиции из поколения в поколение, СССР не умрет никогда. Что я знаю о Советском Союзе? Это было хорошее время, как говорит мне мама. И очень жалеет, что он распался. В Советском Союзе совершилось множество разных открытий и событий. Война, первый полет в Космос... Это очень закалило людей, поэтому советские люди очень выносливые и крепкие. Они очень отличаются от нынешнего поколения. Наше поколение не переживет даже элементарного дефицита товаров, а советским людям к этому не привыкать, ведь они перенесли голод и холод. Советское время было проще и лучше, поэтому я бы хотела жить в СССР».

Истинная реставрация Советского Союза происходит не в умствованиях идеологов, а в фантазиях бесхитростных Катя и Полин, подобно тому как, по мнению того же Толстого, грозу двенадцатого года одолели мужики Карп и Влас, отказавшиеся

везти Наполеону сено, хотя им предлагали хорошие деньги. И если СССР когда-либо в какой-то степени восстановится, то уж во всяком случае не во плоти, но разве что примерно так, как Древний Рим восстановился в Священной Римской империи. Для этого, однако, должно произойти массовое разочарование в религии национальной независимости, по-видимому и определившей главные кошмары XX века. Именно она и привела к катастрофе 1914-го, и она же не позволила завершить ее в 1918-м. Ведь как красиво это звучало: малые народы должны обладать собственными государствами так же, как и большие, — и эта версальская нарезка позволила Гитлеру с легкостью заглатывать их по частям.

Надеюсь, на этот раз мы до такого не дойдем, но отнюдь не потому, что мы сделались умнее, — просто на нашу безмозглость нашлись ядерные тормоза. Однако не знаю, какие еще кошмары будут способны ответить на один из завершающих книгу вопросов Льва Аннинского: «Жизнеспособно ли национальное государство в нынешнем глобальном мире?» Ясно, что национальные государства будут бороться за существование, доколь в подлунном мире жив будет хоть один националист. Ведь всегда найдутся наивные идеалисты, готовые поддерживать его уже за одно то, что он «меньшинство». И всегда найдутся прохвосты, старающиеся использовать его против своих конкурентов. Хотя использовать национализм в каких-то конструктивных целях так же невозможно, как пахать на тигре, ибо это религия, не терпящая соперников, видящая в любом компромиссе унижение и поражение.

Томас Венцлова, в советское время считавшийся литовским «буржуазным националистом», после обретения национальной независимости заговорил совершенно по-новому — см. «Пограничье» (СПб., 2015): «Когда в Литве боролись за независимость, то повторяли: «Ах, большевики уничтожают нацию!» Но сейчас она тает гораздо быстрее. Большевики ее как раз консервировали. Лучшим способом сохранения так называемых национальных ценностей оказалась как раз советская власть — ее по заслугам ненавидели, поэтому ставили акцент на этих ценностях, клялись в верности им. Сейчас это стало скорее демагогией». Что было вполне предсказуемо: нацию разрушает не угроза, а соблазн, и советская власть ограждала от соблазна.

«Расцвет национализма был уже довольно давно, и люди подзабыли, что это такое. На эту приманку сейчас, увы, поддаются сильнее, чем на коммунистическую» — так она и проще: коммунизм еще нужно строить, а нация — уже готовое совершенство. «И возможно, для малых народов она особенно привлекательна — помогает преодолеть комплекс неполноценности, связанный именно с величиной, и превращает этот комплекс в манию величия. Это очень опасно». «Сейчас эта тенденция начинает побеждать, и вполне возможно, что об этом придется говорить очень резко и очень откровенно». Хотя куда уж откровеннее! Даже независимость уже не кажется Венцлове «лучшей гарантией, что язык и культура будут сохранены»: «Гитлеровская Германия тоже была вполне независимой. И сталинский Советский Союз тоже — попробуй ему кто-нибудь что-нибудь указать. А что в них было хорошего? Северная Корея вполне независима. Очень независимая страна — Иран, но не хотел бы я жить там, и, кстати, многие мусульмане не хотят». Больше того: «Если исчезнет нормальная человеческая ментальность, то, на мой взгляд, это хуже, чем потерять язык». Но, разумеется, о том, чтобы вернуться в Российскую империю, не может быть и речи. Даже и в далеком прошлом, «если бы русское национальное самосознание, отличное от имперского, своевременно и полностью сформировалось, история России и всей Восточной Европы была бы счастливее»; «все мы должны любыми возможными способами поощрять русский национализм, нормальный национализм, с которым приходит понимание собственных национальных интересов, а вместе с ним осознание, что империя только вредит этим интересам».

Это, пожалуй, главный пропагандистский успех националистов — они превратили слово «империя» в ругательство (либералы лишь воспользовались плодами их победы), хотя именно развитые империи ввели представление о культурной автономии национальных меньшинств, с которой национальные государства либо покончили, либо пытались и пытаются руками националистов это сделать. Гердер обзывал многонациональные империи государствами испорченными, развращенными, ибо не только совместное проживание, но даже использование чужого языка заражает иностранными пороками (почему-то не достоинствами). Национальные эгоцентрики сумели изобразить имперское сознание еще и высшей степенью национального эгоцентризма, хотя имперский принцип напротив требует преодоления национального эгоизма во имя более высокого и многосложного целого.

Я тоже с младенчества усвоил либеральные принципы: все народы, все культуры заслуживают равного уважения, но в случае конфликта нужно быть на стороне слабого, на стороне Давида против Голиафа. И лишь в последние годы во мне вызрело страшное подозрение, что нетерпимость в мир несут не сильные, а слабые, Давиды, ищущие реванша за свое реальное или воображаемое унижение. Но это мало замечается, поскольку у них недостает сил натворить особенно много ужасов. Главные ужасы начинаются тогда, когда слабыми, обиженными начинают ощущать себя сильные. А значит, в том, чтобы не обижали сильных, более всего заинтересованы слабые, ибо все обиды сильные выместят прежде всего на них. И наоборот: будучи спокойны за свое доминирование, сильные будут не только заинтересованы в сохранении мира, но и сумеют его обеспечить — от чего в первую очередь выиграют опять-таки слабые. Они сохраняют жизнь, имущество, но национальное достоинство им придется обретать не на силовом, а на творческом пути, националистам предельно безразличном.

Классическая геополитика стояла на принципе «миром должны править сильные», усматривая в нем и определенную гуманность: власть все равно перейдет к сильным, но только через страдания и кровь — так не лучше ли сразу прийти к этому же результату? Но если мы не столько мечтаем о земном рае, сколько страшимся земного ада, может быть, и нам стоит почаще вспоминать, что равенство наций есть чисто умозрительный идеал, не работавший ни единой минуты. А относительный мир между народами удавалось установить лишь империям, использовавшим мудрый принцип: собирай подати и по возможности не трогай культуру. Сохрани за покоренными народами право молиться, как они хотят, жениться, как и на ком хотят, есть, пить, танцевать, одеваться и даже судиться, и лучше всего управлять народами-вассалами руками их же собственных элит, усыпляя гордость последних возможностью входить в элиты «федеральные», тогда как гордость «плебса» будет убаюкана тем, что с чужеземцами в своей будничной жизни ему сталкиваться почти не придется.

Если же имперская элита окажется неспособной укротить кнутом или пряником неизбежные амбиции отдельных народов, она открывает путь конфликтам всех со всеми: или все ненавидят центральную власть и воображают, что без нее жили бы в мире и дружбе, или все грызутся друг с другом и мечтают о центральной власти, у которой они могли бы найти управу на наглость соседей.

Коммунистическая власть тоже довольно скоро поняла, что равенство индивидов — вещь более или менее возможная, но равенство культур — опасная утопия, возможна и необходима лишь декорация этого равенства. И после десятилетий страшного террора национальное замирение удавалось поддерживать столь малой кровью, что наивным людям этот вынужденный худой мир до сих пор представляется дружбой народов. Однако в советской империи простор открывался только личным, но не национальным амбициям, а потому все брюзжали, но оставались живы.

Нечто подобное можно было бы осуществить и в мировом масштабе, если бы Голиафы не взращивали друг против друга пламенных Давидов, увеличивая число игроков на международной арене, что уже само по себе затрудняет возможность разделения сфер контроля, и, что еще хуже, увеличивая его за счет пассионариев, готовых ставить на карту даже собственную жизнь, не говоря уже о прочей человеческой плоти.

Рано или поздно кто-то из сбросивших ярмо Давидов наконец сумеет-таки ввергнуть человечество в мировую войну, если, к счастью, немногочисленные и относительно рациональные Голиафы не осознают, что главную опасность для каждого из них представляют не другие Голиафы, которыми есть много что терять, а бесчисленные Давиды, которым терять, как им кажется, почти нечего. Если каждый Голиаф станет держать в узде своих отморожков и не подзуживать чужих, мир получит шанс на новую передышку.

Сегодня совершенно необходим новый Священный Союз Голиафов против Давидов: мир делится на Союзы национальных государств, каждый из которых на старых, хотя и не всегда добрых имперских принципах контролируется собственным рациональным Голиафом. Который помнит, что при всех его недовольствах другими Голиафами главной опасностью для него и всех остальных является националистическая или религиозная иррациональность.

Впрочем, почему «или»? Националистическая и есть религиозная.